

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**ВЛАДИМИР
БОЛЬШАКОВ**

РИТУАЛЬНОЕ ЦАРЕУБИЙСТВО ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Дело не закрыто

Владимир Большаков

**Ритуальное цареубийство
– правда или вымысел?**

«Алгоритм»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

Большаков В. В.

Ритуальное цареубийство – правда или вымысел? /
В. В. Большаков — «Алгоритм», 2018 — (Дело не закрыто)

ISBN 978-5-907028-31-9

Новая книга известного писателя Владимира Большакова посвящена одному из самых кровавых злодеяний XX века — убийству последнего Императора Российского и его семьи в Екатеринбурге, а также других членов Дома Романовых в Алапаевске в июле 1918 года. Прошло сто лет со дня совершения этого преступления, но многие его обстоятельства до сих пор не выяснены. Именно поэтому по настоянию Русской православной церкви следствие по делу о цареубийстве было возобновлено, чтобы определить подлинность «царских останков» и проверить версию о ритуальном характере преступления. Автор рассказывает о том, как и по чьему заказу готовили это преступление три брата Свердловых — председатель ВЦИК Яков Свердлов, американский банкир Вениамин Свердлов и полковник французской армии, разведчик и масон высоких степеней посвящения Зиновий Свердлов (Пешков), какую роль сыграл в этом воротила сионистского капитала Якоб Шифф, а также знал ли об этом Ленин и другие лидеры большевиков. Особое внимание в книге уделено вопросу, было ли цареубийство ритуальным или актом «революционной мести».

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-907028-31-9

© Большаков В. В., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Идеологи с топором	8
Русофобы от марксизма-ленинизма	12
«Дело прочно, когда под ним струится кровь...»	15
С пайкой под кожанкой	22
«Особая порода людей»	24
«На каждого интеллигента должно быть дело»	27
Кровавая утопия	31
Глава вторая	39
Черный Янкель и его братья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Большаков

Ритуальное цареубийство – правда или вымысел?

К 100-летию гибели Царской семьи и других Романовых в 1918 году

От автора

Июль 1918 года вошел в историю России как кровавый.

В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге палачи во главе с чекистом Юровским без суда и следствия расстреляли бывшего императора Николая II и всю его семью. За несколько дней до этого чекисты убили престолонаследника великого князя Михаила. В ночь с 18 на 19 июля зверски замучили и сбросили в шахту других членов императорского Дома Романовых в Алапавске.

29 октября 2017 г. в Москве, в храме Христа Спасителя, под председательством Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла открылся Архиерейский собор Русской православной церкви, приуроченный к 100-летию возрождения патриаршества в России. Среди главных тем, обсуждаемых на соборе, стали промежуточные результаты экспертиз подлинности останков Николая II и его семьи, обнаруженные вблизи Екатеринбурга. Вопрос этот для РПЦ и для всех православных граждан России по-прежнему актуален. Могила царской семьи в Петропавловской крепости до сих пор не почитается православными как погребение святых, хотя император и его семья были признаны святыми страстотерпцами еще в начале 2000-х годов. По просьбе РПЦ Следственный комитет с сентября 2015 возобновил расследование по факту гибели царской семьи и подлинности «екатеринбургских останков», заявив, что проверит также версию о ритуальности этого зверского убийства. Такая версия была рассмотрена и на специальной научной конференции, прошедшей накануне открытия Архиерейского собора в Сретенском монастыре Москвы под эгидой его настоятеля епископа Тихона.

Расследование этой трагедии длится уже более 20 лет, а фактически не прекращалось с того момента, как в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге было совершено цареубийство.

Убийство помазанника Божьего и ни в чем не повинных членов его семьи, малолетних детей считается непростительным преступлением и по законам Русской Православной церкви, и по законам любого цивилизованного государства. За это преступление, совершенное руками оголтелых фанатиков от революции по заказу злейших врагов России, нашему народу пришлось заплатить страшную цену. Это был пролог ужасающего «красного террора»¹, залившего кровью всю Россию, жертвами которого стали более двух миллионов человек. Но за этим террором последовал «Большой террор» – кровавую эстафету большевистского геноцида русского народа, начатого в 1918 году при Ленине, передавали из рук в руки головорезы из ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МВД – КГБ СССР уже при Сталине вплоть до его смерти. И там счет жертв шел уже на миллионы.

Президент России Владимир Путин, говоря о преступных репрессиях того времени, сказал:

¹ *Красный террор* – комплекс карательных мер, проводившихся большевиками в ходе Гражданской войны в России (1917–1923) против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. Провозглашен декретом ВЦИК от 5 сентября 1918 «О красном терроре».

«...Достаточно вспомнить расстрелы заложников во время Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьянства, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. И всегда это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверку идеалы ставились выше основной ценности – ценности человеческой жизни, выше прав и свобод человека. Для нашей страны это особая трагедия. Потому что масштаб колоссальный. Ведь уничтожены были, сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причём это, как правило, люди со своим собственным мнением. Это люди, которые не боялись его высказывать. Это наиболее эффективные люди. Это цвет нации. И конечно, мы долгие годы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Много нужно сделать, для того чтобы это никогда не забывалось» («Труд», 31.10.2007).

Память людская, увы, устроена так, что плохое забывается. Это можно понять. Но непροститительно, когда намеренно предаются забвению путем искажения исторической истины даже самые страшные трагедии.

Для того чтобы понять причины трагедии семьи Романовых, происшедшей в 1918 году в Екатеринбурге и Алапаевске – а это единая трагедия, только в трех актах, необходимо было выяснить следующее: кто заказал царевубийство, кто его организовал и кто исполнил. Важно было понять также, какой характер носило это убийство. Было это произволом местных властей или результатом общего преступного замысла Октябрьского переворота 1917 года? Было это актом отмищения монархии Романовых либо ритуальным убийством? Разобраться во всем этом было нелегко, тем более что пришлось затронуть столь чувствительные темы, как участие евреев и масонов в русской революции.

Следы этого преступления века тщательно уничтожали и скрывали. Уже поэтому разобраться в нем до конца не смогли ни следователи 20-х годов, занимавшиеся этим по поручению верховного правителя России адмирала Колчака, ни их коллеги нашего времени. В этой книге приведены выводы и тех, и других, равно как и некоторые факты, о которых по тем или иным причинам не принято было вспоминать.

Глава первая

Террор как средство управления

Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Тут каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам.

Ф.М. Достоевский. «Бесы»

Если бы Ленин мог выдержать честную конкуренцию с Бердяевым, Франком, Розановым, Кропоткиным, Плехановым (который справедливо называл его маньяком) и многими другими, зачем бы ему «философский пароход», Соловки, массовые расстрелы священников? Но не мог он выдержать. Отсюда нарастающий ком насилия над людьми и – что ничуть не менее важно – над фактами. От великого т. Сталина, который, безумно боясь потерять власть, истреблял наиболее ярких соратников по партии, до свихнувшегося от вседозволенности мелкого уездного комиссара».

Дмитрий Орешкин. Ежедневный журнал. Москва, 26.04.2010

Идеологи с топором

Читая и перечитывая биографии теоретиков и практиков красного террора, их труды и свидетельства очевидцев их жизни и смерти, начинаешь понимать, в чем они схожи. Все они – по Достоевскому – «бесы» и принадлежат к одной и той же категории безнравственных властолюбцев и авантюристов, готовых погубить миллионы людей ради утверждения своей власти над ними. Сначала в масштабах одной страны, а затем и всего человечества. У таких людей комплекс превосходства, как правило, соседствует с комплексом неполноценности, который они тщательно скрывают.

В жертву Интернационалу

А это, в свою очередь, у некоторых из них оборачивается неудержимой похотью и сексуальными извращениями, а у других — полной импотенцией. Ими движет почти генетический механизм самоутверждения за счет других, заложенный в них самой природой, их не оставляет синдром мести за все обиды с пеленок до гробовой доски.

Чтобы как-то компенсировать эту свою духовную убогость, и прежние, и нынешние Смердяковы искренне верят либо утверждают, что верят, будто всё ими творимое, включая самые чудовищные преступления, свершается во имя некоей высшей цели, великой идеи и во благо несовершенного человечества. Они так обожают себя любимых и так верят в свое великое предназначение, что более всего на свете боятся, причем порой даже больше смерти, потерять власть и то положение лидеров, которого им удалось добиться. И, когда это им реально угрожает, готовы пойти на что угодно, дабы избежать бесславного конца. По-своему такие люди столь же опасны, как и глубоко несчастны.

Интересно, что во время своего последнего пребывания в Париже в марте — апреле 1936 г. Николай Бухарин во время своей встречи с известным меньшевиком Ф.И. Даном (Гуревичем) (1871–1947) и его женой говорил им о Сталине, что тот «даже несчастен оттого, что не может уверить всех и даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, может быть, единственная человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое “несчастье” он не может не мстить людям, всем людям, а особенно тем, кто чем-то выше, лучше его...». Удивительное признание человека, который знал Сталина очень близко. «Если кто лучше его говорит, он обречен, — рассказывал Бухарин, — он уже не оставит его в живых, ибо этот человек — вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто лучше его пишет — плохо его дело... Нет, нет, Федор Ильич, это маленький, злобный человек, не человек, а дьявол».

На вопрос же Дана, как могли Бухарин и другие коммунисты доверить этому дьяволу судьбу страны, партии и свою собственную, собеседник признался: «...Вот уж так случилось, что он вроде как символ партии, низы, рабочие, народ верят ему, может, это и наша вина, но

так это произошло, вот почему мы все и лезем к нему в хайло... зная наверняка, что он пожрет нас. И он это знает и только выбирает более удобный момент». Увы, и Бухарин со товарищи были из той же породы, что и Сталин. Все они Смердяковы, только от разных родителей.

Нередко такие люди обладают незаурядными способностями, даже талантами. Но ставят их на службу дьяволу. Такими были Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Дзержинский, Зиновьев, Бухарин, Радек, Ежов, Берия... Неудивительно, что в руководстве «ленинской гвардии» ВКП(б) – КПСС и ВЧК – ОГПУ – НКВД как ленинского призыва, так и последующих, такие типажи составляли подавляющее большинство. Всех их объединяла помимо смердяковщины еще и ненависть к России и русскому народу, к русской истории и культуре, потому что они были чужды всему русскому по самой своей природе, даже если сами были русскими по крови. Русская цивилизация столкнулась в 1917 году, как мощный, изящный, но, увы, хрупкий «Титаник» с невиданным айсбергом варварства и невежества.

Правившие Россией большевистские клики Ленина – Дзержинского— Свердлова— Троцкого, а затем Сталина – Ягоды – Ежова – Берии – Хрущева не только залили нашу страну кровью, но и методически уничтожали ее духовно. От Хрущева до Горбачева этот духовный геноцид продолжался, хотя и без прежних кровавых репрессий. В результате формировавшаяся за железным занавесом «новая историческая общность— советский народ», отринув религию предков, выпала из русла русской цивилизации, которая была неотъемлемой частью цивилизации европейской, построенной на базе христианства. А цивилизации, как известно, формируются тысячелетиями, и вернуться туда, просто поменяв пятиконечную звезду на двуглавого орла, в одночасье никак не получится. России предстоят долгие годы очищения и самосовершенствования.

Мы уже платим за оскверненные мощи наших святых и разрушенные храмы, за весь погром русской духовности, устроенный большевиками и их чекистской сворой. Каждый день мы читаем в Интернете страшные сообщения, которые просто не укладываются в голове. Рядом с нами живет мать – убийца своих детей, мать, продавшая сына на органы, дочь, заказавшая убийство своих родителей, чтобы получить их жилплощадь, отец, выбросивший новорожденных с десятого этажа, убийца священника, ограбивший церковь, подростки из банды на Кубани, вырезавшие детей на глазах их родителей. Все это творится в современной России, пораженной тотальной коррупцией, воровством, бандитизмом и произволом. А искать этому всему корни надо там— «в горниле революции». Во что это все еще обойдется русскому народу, сейчас никто сказать не сможет.

История человечества учит нас, что потеря духовности не раз оборачивалась для прежде великих народов потерей национальной идентичности, утратой независимости и государственности. Это, как мы знаем, едва не случилось и с Россией после 1991 года. А в этой «планетарной катастрофе», по терминологии Владимира Путина, господа чекисты повинны не меньше, если не больше своих партийных бонз со Старой площади. На этом фоне попытки представить лидеров большевиков и гэбистов в памяти народа исключительно рыцарями революции без страха и упрека – верх цинизма и показатель презрения коммунистов и нынешних чекистов к собственному народу. Достаточно почитать интервью Директора ФСБ А.В. Бортникова «Российской газете» по поводу столетия ВЧК, где он заявил по поводу сталинских репрессий следующее: «Хотя у многих данный период ассоциируется с массовой фабрикацией обвинений, архивные материалы свидетельствуют о наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел, в том числе легших в основу известных открытых процессов» («Российская газета», 19.12.2017). Тут, как говорится, ни убавить ни прибавить.

Русских людей и прежде всего молодежь— старики то узнали правду об этом кровавом «периоде» на своей собственной шкуре— учат воспринимать всех чекистов как Исаева-Штирлица и майора Вихря, а не как пыточных дел мастеров из тюрем КГБ в Лефортово или в Сухановке. Да, на Лубянке работали и Штирлицы, и Вихри, хотя и многих из них после пыточных

камер на Лубянке и в Лефортово расстреляли без суда и следствия. И все же, когда в одном строю маршируют и палачи, и герои, то палачи от этого героями не становятся. А вот героев, увы, воспринимают как палачей.

Русофобы от марксизма-ленинизма

Возлюбить чекистов-гебистов нас хотят заставить, апеллируя к естественному для русского человека патриотизму. Но я позволю себе напомнить читателю, что с самого начала чекизм был явлением антирусским и антироссийским, а русских патриотов объявил смертными врагами Советской власти. Так, в самом начале красного террора в «Еженедельнике ВЧК» было опубликовано постановление «Применение расстрелов», где были перечислены категории граждан России, подлежащие смертной казни без суда и следствия. Среди них под пунктом № 14 значилось, что расстреливать надлежит «Всех членов бывших патриотических и черносотенных организаций» (Еженедельник ВЧК, 1918, № 1, с. 11).

Под юбилейные фанфары 100-летия «органов» никто в православной России не стал вспоминать о том, что основатель ВЧК Дзержинский, как и многие лидеры большевиков, был патологическим русофобом. И, как Ленин, говорил, что на Россию ему плевать. Именно в таком духе он воспитывался в польской школе и в большевистских «университетах». Не без основания российские историки говорили об «антирусском характере» революций 1917 г., как Февральской, так и Октябрьской. Большевистское подполье во главе с Лениным готовилось после захвата власти в России выполнить указания своих идейных вождей Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

А основоположники марксизма и их последователи в России, да и в Западной Европе, были патологическими русофобами в первую очередь потому, что русский народ никак не удавалось поднять на «весну народов», т. е. на революцию, на его исторической родине. Маркс с Энгельсом этого и не скрывали: «Нам было ясно, что революция имеет только одного действительно страшного врага – Россию».

Ленин, по свидетельству Молотова, видел главную опасность для большевизма в «великорусском шовинизме», то есть в патриотических чувствах русского народа. Основную помеху в претворении своих антирусских идей в жизнь Ленин усматривал в приверженности русского человека к добру, в его добротолюбии. Как вспоминал Троцкий, «Владимир Ильич говорил: “Главная опасность в том, что добер русский человек... Русский человек рохла, тютя”».

Ненависть и презрение к русским у Ленина с приходом к власти приобрели воинствующий характер. Его записки часто полны эпитетов «дурак», «идиот» применительно к нашему народу. «Русским дуракам раздайте работу», – любил говорить Владимир Ильич.

Причины ленинской русофобии нельзя объяснить только его происхождением от еврея Моше Бланка. Ленин был последовательным марксистом в «русском вопросе», ведь Маркс и Энгельс открыто выступали за уничтожение «реакционного» славянства, прежде всего русских.

Энгельс в своей статье «Демократический панславизм»: открыто призывал к «беспощадной борьбе со славянством... в интересах революции! (Написано Ф. Энгельсом 14–15 февраля 1849 г., напечатано 15 и 16 февраля 1849 г. в «Neue Rheinische Zeitung», № 222, 223. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 6. С. 306.)

Пик русофобской деятельности «основоположников» пришёлся на период Крымской войны (1854–1856), когда на Россию напала целая коалиция западных стран во главе с Британией и Францией. Маркс и Энгельс страстно призывали превратить эту войну в «священную борьбу европейских наций» против России (удивительно, но примерно под тем же лозунгом Гитлер воевал против Советского Союза уже в середине двадцатого века). Энгельс даже пытался обосновать теорию военного похода на Москву, которая позволила бы европейским союзникам избежать тех ошибок, которые совершил Наполеон во время войны 1812 года. Оба «основоположника» завязали дружескую переписку с польским террористом Теофи-

лом Лапинским, публично призывавшим либо «истреблять русский народ поголовно», либо загнать его «как дикого зверя» за Урал, в сибирские снега.

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Карл Маркс написал ряд русофобских статей для американской газеты «New York Daily Tribune», а затем с августа 1856 по апрель 1857 года в том же духе выступал на страницах лондонской «The Free Press». В тех работах Маркс не только оправдывает вторжение западной коалиции, в Крым, но и выражает о России своё мнение как о государстве варваров. И против этих «варваров», призывал он Запад, надо выступить военным походом для продвижения европейских интересов далее на Восток. (См.: Маркс против России (анализ неизвестных статей). Мюнхен: Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЕ), 1961. С. 17–18, 58. *Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века / Разоблачения тайной дипломатии // Вопросы истории.* 1989. № 1–4; *Чернов В.М. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. Русские Записки.* 1916. № 11–12; *Munck R. The Difficult Dialogue. Marxism and Nationalism.* London: Zed Books, 1986.)

В советские годы гигантский научный центр по имени Институт марксизма-ленинизма в Москве либо скрывал, либо редактировал до невинности русофобские высказывания классиков марксизма. И тем не менее даже во второе издание их собрания сочинений проник такой пассаж из работы Ф. Энгельса «Демократический панславизм»: «Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не мешают нам относиться к нашим врагам как к врагам» (*Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 6. С. 305–306*). «Россия стала колоссом, не переставшим вызывать удивление. Россия – это единственное в своем роде явление в истории: страшно могущество этой огромной империи в мировом масштабе, – писал Маркс в своих письмах в середине XIX века. – В России, у этой варварской расы имеется такая энергия и активность, которых тщетно искать у монархий более старых государств. Славянские варвары, – писал далее основатель научного коммунизма и проповедник “пролетарского интернационализма”, – природные контрреволюционеры. Поэтому необходима беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию (выделено мной. – В.Б.)».

Ф.Энгельс уточнял «направление главного удара»: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом... Ближайшая борьба с Россией выдвинет великий вопрос: быть Европе конституционной или казацкой». (Это письмо не было включено в собрание сочинений Маркса и Энгельса. Оно было написано, как уже говорилось, Ф. Энгельсом 14–16 февраля 1849 года и напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» (№ 222–223. 15–16.02.1849.) Вот когда еще были заложены «теоретические» основы геноцида российского казачества, осуществленного ВЧК по указке Якова Свердлова!

Эти марксистские установки, которые большевики старались скрывать не только от русских, но и от других славянских народов, как известно, впоследствии использовал еще один «социалист», точнее фюрер национал-социалистов, Адольф Гитлер, соотечественник Маркса, провозгласив физическое уничтожение славян главной целью своего похода на Восток. Верховное главнокомандование вермахта и Верховное главнокомандование сухопутных войск издавали специальные директивы, освобождавшие офицеров и солдат вермахта от ответственности за несоблюдение международных норм во время войны в России. Так, генерал Эрих Гёпнер в своем приказе по 4-й танковой группе, разгромленной в 1941 году под Можайском, писал, что война с Россией – «это извечная битва германских народов со славянскими, имеющая целью защиту европейской культуры от нашествия московитов и азиатов и еврейского большевизма. Целью этой битвы должно стать уничтожение нынешней России, и в связи с этим она должна осуществляться с невиданной до сих пор жестокостью» (см.: Залесский К.А. Кто

был кто в Третьем рейхе. М.: АСТ, 2002). Наверняка герр Гёпнер в юные годы штудировал Маркса.

«Дело прочно, когда под ним струится кровь...»

История создания Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), от которой ведет свою родословную вся советская репрессивная спецслужба ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ весьма примечательна. И месяца не прошло после Октябрьского переворота, как 6 декабря 1917 года Совет народных комиссаров (СНК, Совет министров у большевиков. – В.Б.) рассматривал вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». Заметьте— только о «возможности»! И что тут было так волноваться по поводу того, что госслужащие решили воспользоваться своим правом на забастовку, за которое так упорно боролись российские революционеры всех мастей, включая большевиков?!

А тут было принято решение создать «чрезвычайную комиссию» для «выяснения возможности борьбы» с такой забастовкой путем «самых энергичных революционных мер». На пост председателя комиссии была предложена кандидатура Феликса Дзержинского. «Железный Феликс» увидел в этом шанс создать свою машину «революционного» террора. Он учел, что за неделю до этого обсуждения 1 декабря 1917 года ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) рассмотрел вопрос о реорганизации Военно-революционного комитета и образовании вместо него отдела по борьбе с контрреволюцией. 7 декабря (20-го по новому стилю) Дзержинский на заседании СНК сделал доклад уже не о *возможной* забастовке государственных служащих, а о задачах чрезвычайной комиссии, которая по его проекту получала право «производить аресты и конфискации, выселять преступные элементы, лишать продовольственных карточек, публиковать списки *врагов народа*». Вот когда появился этот зловещий термин. На том памятном заседании Совнаркома, где было принято решение о создании ВЧК, Дзержинский, по воспоминаниям Троцкого, выступил с такой речью: «Революции всегда сопровождаются смертями. И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Я требую одного— организации революционной расправы!» (цит. по: *Гуль Р.* Дзержинский; см. также: Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). Сб. док. М., 1958, № 144). Его ВЧК и стало *организацией расправы* не только над всеми инакомыслящими, но и над всем русским народом, а красный террор – методом управления страной на долгие годы. СНК во главе с Лениным, заслушав Дзержинского, с его предложениями по наделению нового органа чрезвычайными полномочиями согласился. Именно по предложению Ленина было принято постановление, подтверждавшее непосредственное подчинение ВЧК Совнаркому, а не ЦИК, как предполагалось изначально: «Совет народных комиссаров признает, – говорилось в постановлении, – что какие бы то ни было изменения постановлений комиссии Дзержинского, как и других комиссий, назначенных Советами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совет народных комиссаров» (ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 31-об. См. также: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М., 1987. С. 23–27).

ВЧК, таким образом, с самого начала стала одновременно и политическим, и карательным органом исполнительной власти. Эта роль ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ оставалась неизменной все годы существования системы государственного чекизма.

Семья купца Поленова. Расстреляна ЧК в 1918 году. Вся, включая детей

Отметим еще один немаловажный аспект: новая спецслужба начала свою работу с нуля. Сотрудников царской охраны и полиции туда не брали. В ЧК пришли опытные революционеры, вчерашние налетчики и террористы, но в том, что касается правоохранительных органов и разведки, все они, включая самого Дзержинского, были невеждами и в лучшем случае – дилетантами. Профессиональные навыки им заменяли правовой нигилизм и пресловутое «классовое чутье». Ожидать справедливости в общечеловеческом понимании этого термина от «рыцарей революции» из ЧК было наивно. Дзержинский считал: «Работники ЧК— это солдаты революции. *Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно* (выделено мной. – 8.6.)». Ленин и другие лидеры революции согласились и с этим. И многие потом за это заплатили собственной головой. С февраля 1918-го – заметьте, задолго до официального объявления «красного террора» – на основании декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности» чекисты получили чрезвычайные полномочия и право применять высшую меру без суда и следствия (вплоть до расстрела на месте). Только 5 сентября 1918 года это «право» ЧК было подтверждено постановлением СНК «О красном терроре». Руководство партии большевиков и СНК, государство, принимавшее человеконенавистнические законы, дали своей карательной системе (куда, кстати, входили и прокуратура, и суды) право на полный правовой беспредел.

Член Петроградского военно-революционного комитета, руководитель Бюро комиссаров ВРК, в июле— ноябре 1918 года возглавлявший ЧК и Военный трибунал, первый официальный историограф советских спецслужб Мартын Лацис утверждал: «ЧК – это не следственная коллегия и не суд... Это боевой орган партии будущего, партии коммунистической. Она уничтожает без суда или изолирует от общества, заключая в концлагерь. Что слово – то закон. Нет такой области, куда не должна вмешиваться ЧК». Совнарком облачал эту карательную риторику в декреты и постановления. Органы госбезопасности получали все большие полномочия. И власть ЧК становилась всеобъемлющей.

Активные аресты по политическим мотивам, проведенные ВЧК накануне и после Учредительного Собрания, стали предметом острых разногласий между Наркоматом юстиции, во

главе которого стоял левый эсер И.З. Штейнберг, и ВЧК, которую возглавлял Ф.Э. Дзержинский.

Позицию СНК по вопросу о взаимоотношениях ВЧК с другими государственными органами определял В.И. Ленин. Он категорически не признавал ни за Наркоматом юстиции, ни за Наркоматом внутренних дел права вмешиваться в дела «Комиссии Дзержинского», которой предписывалось лишь извещать эти наркоматы «об арестах, имеющих выдающееся политическое значение» (см.: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М., 1987. С. 23–27, 29–31). Что ни слово у Ленина о красном терроре, то песня! Дракула – сосунок по сравнению с этим ненасытным красным вампиром.

Левые эсеры настаивали на введении в состав ВЧК представителей от их партии, которая в тот период состояла в правительственном блоке с большевиками.

Ленин выступает с речью в Петрограде, на Дворцовой Площади, 19 июля 1920 г. Снимок сделал известный фотограф Виктор Булла в день открытия 2-го конгресса Коминтерна

В январе 1918 г. четверо левых эсеров вошли в состав коллегии ВЧК, где оставались до июля 1918 г. Товарищем председателя ВЧК стал левый эсер В.А. Александрович, имевший такие же полномочия, как и Дзержинский. По мнению большинства исследователей, левые эсеры оказывали сдерживающее влияние на репрессивную деятельность Комиссии, особенно в отношении политических противников. Под их воздействием, например, 18 марта 1918 г. было принято решение о недопустимости провокаций – использование секретных сотрудников допускалось только в борьбе со спекуляцией. Впоследствии коммунисты и это решение отменили.

23 февраля 1918 года ВЧК направила во все Советы радиотелеграмму с рекомендацией немедленно организовать в районах чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, по примеру Петроградской ЧК, если таковые еще не организованы. Одной из первых была образована Московская ЧК. Вслед за ней стали создаваться отделы и комиссариаты по борьбе с контрреволюцией в других городах. 12 июня 1918 года I Все-

российская конференция ЧК приняла «Основные положения об организации чрезвычайных комиссий». В августе 1918 года в Советской республике насчитывалось 75 уездных чрезвычайных комиссий. К концу года было создано 365 уездных ЧК. Сеть организованного красного террора была наброшена на всю Россию. Постоянно расширяющийся круг задач и полномочий ВЧК предопределил появление в ее структуре, наряду с отделами по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, целого ряда новых структурных подразделений. В августе 1918 г. для борьбы с «враждебными элементами» на железнодорожном и водном транспорте был образован Транспортный отдел. В декабре 1918 г. для производства обысков, арестов и наружного наблюдения создан Оперативный отдел. В январе 1919 г. сформирован Особый отдел, на который постановлением ВЦИК от 21 февраля 1919 г. возлагалась «борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте». На местах при губернских Чрезвычайных комиссиях создавались особые отделы (фронтовые и армейские), подчиненные непосредственно Особому отделу ВЧК. В их задачи входила активная борьба с контрреволюцией не только на фронте, но и в тылу. Работу этого отдела курировал, как член ЦК РКП(б), И.В. Сталин, которому начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров делал еженедельные доклады. В сентябре 1919 г. в структуре ВЧК появился Экономический отдел, в задачи которого входило ведение борьбы с «экономическим шпионажем, вредительством и диверсиями» в народном хозяйстве. В декабре 1920 г. на базе одного из отделений Особого отдела был организован Иностранный отдел. Особо следует сказать о Секретном отделе ВЧК, названном впоследствии Секретно-политическим. Его сформировали в феврале 1919 г. специально для борьбы с «анти-советскими партиями, политическими группами и организациями», а также для слежки за интеллигенцией и духовенством. Все вышеперечисленные отделы ВЧК в дальнейшем стали традиционными структурными подразделениями центрального аппарата советских органов госбезопасности, поскольку сфера их интересов оставалась неизменной со времен существования ВЧК. (См.: Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. Глава 2.)

С первых лет революции чекистский карательный корпус стал весьма влиятельной силой. С ним не могли не считаться. Его боялись даже руководители партии и Советского государства. В 20-е годы, как мы уже знаем, в партии еще ставился вопрос об ограничении полномочий ЧК, но всякий раз безуспешно. В.И. Ленин сделал заявление о полной поддержке и защите структуры, «подвергшейся за некоторые свои действия несправедливым обвинениям со стороны ограниченной интеллигенции... неспособной взглянуть на вопрос террора в более широкой перспективе» (Ленин и ВЧК... с. 122). «Орган революционной расправы» был поставлен вне критики по распоряжению самого Ленина. ЦК РКП(б) по его предложению издает Постановление от 19 декабря 1918 года, юридически закрепив запрет любой критики в отношении деятельности ВЧК: «На страницах партийной и советской печати, – говорилось в этом документе, – не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях» (Ленин и ВЧК... с. 133).

Террор ЧК вызвал всеобщее недовольство и едва не привел к краху Советской власти уже в первые годы ее существования. Даже после окончания гражданской войны в стране не прекращались крестьянские восстания. То и дело вспыхивали антикоммунистические мятежи. Страну постигла невиданная разруха. Россия вымирала, и этот страшный процесс только ускорял непрекращающийся красный террор. Казалось, что объявление НЭПа, на что большевики пошли вынужденно, чтобы удержать власть в стране, заставит заплечных дел мастеров из ВЧК-ГПУ хотя бы на время умерить пыл. Не тут-то было. Заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода в своем докладе «ВЧК-ГПУ. Историческая роль и задачи», озвученном в 1923 году, говорил: «ГПУ отличается (от ВЧК. – В.Б.) лишь конкретными своими задачами в условиях новой экономической политики... Частный капитал должен был получить гарантию сво-

его правового существования... В связи с этим переходом на путь определенной законности должна была измениться и борьба с нашими врагами, процесс наказания и обезвреживания их... НЭП... изменил облик наших врагов и выдвинул новых. НЭП оживил контрреволюционные элементы, загнанные в подполье, которые начали проводить контрреволюционную работу, используя легальную возможность; НЭП возродил враждебный нам класс — буржуазию». Это было прямое указание на возобновление политических репрессий, которые и в ходе НЭПа оставались неотъемлемой частью большевистской государственной доктрины. На XII Всероссийской конференции РКП(б) председатель Петросовета Григорий Зиновьев (расстрелян в 1936 году) подтвердил это вновь от имени руководства партии: «Если вы меня спросите, что произошло нового на политической арене Советской России за этот год, я скажу: новое заключается в том, что антисоветский лагерь перестраивается по-новому... Он использует каждую щелчку в новом этапе нашей революции, чтобы использовать в своих целях нашу советскую легальность... Меншевистская и антисоветская вообще формула гласила так: “Вслед за экономическими уступками дайте нам политические уступки”. Мы ответили на это на XI съезде: “Отступление в области экономики останавливается”. По вопросу о политических уступках мы с самого начала заняли определенную и ясную линию. Но теперь нам мало этого ответа... Мы должны сказать более ясно: “В области политической наше наступление продолжается”».

Между тем по марксистской схеме диктатура пролетариата по мере утверждения революции должна была со временем перейти в «народное самоуправление». Ну а при «народном самоуправлении», как предполагалось, в подавлении просто не было бы никакой нужды.

В марксистской «Утопии» не оставалось места ни национальным различиям, ни государственным границам. Человечество объединялось на базе «социальной справедливости» и все свои разногласия решало мирно, добровольно соблюдая все правила социалистического общежития. Ленин поэтому поначалу считал, что «сопротивление эксплуататоров «будет постепенно ослабевать» (надо понимать, по мере их физического уничтожения или «перевоспитания» в чекистских концлагерях вроде того, что действовал на Соловках), а значит, должна была ослабевать и необходимость в их подавлении. Он писал, что после победы революции классовая борьба постепенно сойдет на нет, что будущее коммунистическое общество, где все будет поделено «по справедливости», станет классово однородным. Государству, утверждал Ленин в своей канонической для членов КПСС работе «Государство и революция», предстояло постепенно «отмереть», как и демократии. На недоуменный вопрос отвечу, что и демократия, по мысли марксистов, есть не что иное, как подавление – либо подавление меньшинством большинства (буржуазная демократия), либо большинством меньшинства (социалистическая демократия). Иной трактовки демократии большевики не принимали принципиально. (См.: Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 33. С. 1–120.) И в этом следует искать «теоретическое обоснование» перманентного чекистского террора, который даже после победы в гражданской войне не ослаб, а стал усиливаться, достигнув своего апогея в сталинские годы.

После победы большевиков в гражданской войне и смерти Ленина в 1924 году стало ясно, что государство отмирать никак не хотело, так как революция превратилась в государство. Со всеми отсюда вытекающими. В партии в те годы развернулась борьба именно вокруг того, каким путем идти России дальше. Это была борьба не только за «чистоту марксизма», но прежде всего за власть.

Большевистские лидеры предлагали разные пути восстановления народного хозяйства: от опоры на Запад (Зиновьев) до создания трудовых армий (Троцкий). Особняком стоял Бухарин со своей теорией «социализма» мелких собственников (как в наше время сказали бы «среднего класса»), которая учитывала исторические и этнические особенности России, но в рамках известных бухаринских рекомендаций насчет переплавки в горниле революции «человеческого материала». Сталин считал, что помочь Советской России Запад, вопреки прогнозам

Троцкого и Бухарина, не только не захочет, но и не сможет. В 1924–1934 годах экономическая ситуация в капиталистическом мире во многом напоминала ситуацию 1984–1994 годов в России. Запад погружался в безысходный кризис. Из него можно было выйти только двумя путями: за счет дешевой рабочей силы и дешевого сырья, которые можно было найти в колониях и в России. И путем новой мировой войны. Иного не было дано. Отсюда курс Сталина на опору на собственные силы, на «строительство социализма в одной стране», на «социалистическую индустриализацию», жестокую и принудительную коллективизацию сельского хозяйства.

Во время первой пятилетки именно ОГПУ возглавило кампанию по коллективизации. Ее задачи четко определил Сталин. Речь, по его словам, шла прежде всего о «ликвидации кулаков как класса». Сословный геноцид продолжался теперь уже в деревне. В «кулаки» чекисты записывали не только зажиточных, но и бедных крестьян, заподозренных в сопротивлении коллективизации, даже тех, кто регулярно ходил в церковь. Первые массовые аресты глав кулацких семей были произведены ОГПУ в конце 1929 года. Все они были расстреляны. Затем, в начале 1930 года, тысячи кулацких семей были согнаны на железнодорожные станции, погружены на платформы для перевозки скота и отправлены в самые глухие места Сибири, где их бросали на произвол судьбы, не заботясь о том, выживут они или нет. В этой операции по переселению около 10 миллионов крестьян и в организации колхозов ОГПУ помогали 25 тысяч молодых членов партии, так называемые «двадцатипятитысячники», которые по своей жестокости по отношению к «классовым врагам» нередко не уступали чекистским головорезам. Зверства в ходе этой операции творились такие, что даже некоторые чекисты не выдерживали. В воспоминаниях Исаак Дойчера есть рассказ о его встрече с уполномоченным ОГПУ, который вернулся после «раскулачивания» из деревни: «Я старый большевик, – говорил он мне со слезами на глазах, – я боролся против царя, потом воевал на Гражданской войне, неужели я делал все это для того, чтобы теперь окружать деревни пулеметами и приказывать своим солдатам стрелять, не глядя, в толпу крестьян? Нет, нет и нет!»

К началу марта 1930 года ОГПУ с помощью «двадцатипятитысячников» загнали более половины крестьян России в колхозы. Результат не заставил себя долго ждать. Паралич сельского хозяйства – прямое следствие коллективизации – усугубила резко возросшая продрозверстка, за этим последовали засуха и неурожай 1932 года. Наступил самый страшный голод за всю историю Европы XX века, который впоследствии на Украине назовут голодомором. Но он поразил не только Украину – все прежде хлебоборонные районы СССР. В 1932–1933 годы от голода умерло почти 7 миллионов человек. В партийных архивах было найдено вот такое воспоминание свидетеля этой трагедии: «Страшной весной 1933 года я видел, как люди умирают от голода. Я видел женщин и детей с вспухшими животами, кожа у них становилась синей, но они все еще дышали, хотя глаза у них были пустые, безжизненные. И трупы, трупы, мертвые тела в рваной овчине, на ногах грязный войлок, трупы в крестьянских хатах, на тающем снегу...».

Для того чтобы оправдать все те нечеловеческие жертвы, которые нация принесла, «строю социализм», Сталину нужен был прежде всего внешний враг. После этого найти врагов внутренних проблемы уже не составляло. К 1925 году и к очередному XIV съезду партии была сформулирована концепция «враждебного окружения». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» под редакцией Сталина читаем по этому поводу: «Пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность капиталистической интервенции...

...Чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение...

Из этого следует, что победа пролетарской революции в капиталистических странах является кровным интересом трудящихся СССР».

Доктрина, как видим, более чем прозрачная. Сталин также поставил на мировую революцию, как и Ленин. Об этом говорит не только его активная, в том числе и военная, поддержка

коммунистов Испании в их борьбе против Франко и Гитлера, а также поддержка коммунистов Китая. Этот курс не исключал и территориальной экспансии, как показали действия СССР в 1939–1940 гг. (война с Финляндией, аншлюс Бессарабии, Западной Украины и Прибалтики). И все же, выдвигая свою теорию о построении социализма в одной стране, Сталин мировую революцию отодвигал на более далекую перспективу— когда созреет революционная ситуация.

А для того, чтобы она созрела, главную роль в тогдашних «горячих точках» Сталин отводил не своим военным, а эмиссарам НКВД-ОГПУ. Однако после поражения в Испании Сталин убедился, что прямая конфронтация с капиталистическим миром ему пока не по силам. В этом, кстати, одна из причин его попыток умиротворить Гитлера. К концу 30-х годов куда больше, чем на революционные выступления пролетариата, Сталин рассчитывал на мобилизацию на Западе симпатий как рядовых, так и влиятельных граждан, сочувствующих революционным переменам в России. Это в ряде случаев удалось, что позволило чекистам использовать их в качестве агентов влияния и своей агентуры. И это, надо признать, принесло сталинскому режиму куда большие дивиденды, чем революционные авантюры. Сочувствующие вроде Романа Ролана и Луи Арагона, Фейхтвангера, Сикейроса и Герберта Уэллса, Чарли Чаплина и Теодора Драйзера были резервом Сталина. Он его активно мобилизовал для своего пиара, чтобы скрыть от мировой общественности правду о репрессивном характере его режима и о тех чудовищных преступлениях, которые творились в концлагерях ГУЛАГа и на расстрельных полигонах НКВД. И именно через «сочувствующих» гэбисты добывали за рубежом военные секреты, в том числе секреты атомной бомбы, и другую разведывательную информацию.

После смерти Ленина Сталин, вопреки заветам «нашего учителя», объявляет, что по мере строительства социализма сопротивление классовых врагов будет нарастать. Страна была переведена практически на полувоенное, казарменное положение и еще не один год после смерти Сталина из него не выходила. Отсюда и все другое – от полувоенной организации управления партией и страной до террора против политических противников сталинистов и просто против инакомыслящих.

Концепция госбезопасности при этом строилась на доктрине внешнего врага + врага внутреннего, который внешнему помогает. *Результат оказался поистине чудовищным – органы госбезопасности СССР принялись обеспечивать не безопасность своих сограждан, как это делается в любой цивилизованной стране, а безопасность государства от его собственных граждан.* Конечно, для этого нужны были люди особого склада. И большевики их нашли.

С пайкой под кожанкой

При всякой смене общественного строя и неизбежной при этом смене элит во власть приходят не только истовые революционеры. По большей части властные вакансии заполняют истовые карьеристы и патентованные мерзавцы. В ведомстве Дзержинского их оказалось предостаточно. Ведь в те голодные годы работать в ВЧК было не только престижно, но и выгодно. Стрелять были готовы не за идею, а за пайку. В 1918 году зарплата члена коллегии ВЧК была 500 руб., что равнялось окладу наркомов. Рядовые чекисты получали 400 руб. Помимо денежного вознаграждения сотрудники ВЧК получали продовольственные и промышленные пайки, обмундирование (знаменитые кожаные куртки и хромовые сапоги).

Первые руководители ЧК преимущественно были, естественно, из числа так называемых профессиональных революционеров: сам Дзержинский – из дворян, правда без образования, дворяне с университетским образованием – Менжинский, Бокий, высшее образование было и у Вольского, Урицкого и Уншлихта. Однако они были в ЧК исключением. По данным справочника исследователей «Мемориала», общеобразовательный уровень сотрудников ВЧК – ОГПУ – НКВД довольно долго не поднимался выше выпускников местечковых хедеров и церковно-приходских школ (*Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД, 1934–1941. М., Звенья, 1999*). Так, к осени 1938 года процент руководящих работников НКВД, имеющих лишь начальное образование (или вообще никакого), был максимальным — 42,67. Количество чекистов-начальников со средним или незаконченным средним в 1930-е гг. колеблется в пределах 36–44,5 процентов. По своим профессиям даже многие руководители многочисленных служб НКВД тоже оказались на уровне «ниже плинтуса»: наборщик, ремонтный рабочий, отнотсчик посуды, баночник, приказчик, рассыльный, фармацевт, «мальчик в магазине», репетитор, нагревальщик заклепок, батрак, конторщик... По социальному составу после революции около 80 процентов сотрудников ЧК были рабочими и крестьянами, представители «эксплуататорских классов» не приветствовались. К концу 1930-х гг. в руководящих кадрах НКВД резко подскочил процент выходцев из села – с 17 до 45 процентов, в то время как уровень тех, кто в анкетной графе писал «из рабочих», не столь резко колебался в пределах 25–34 процента. Именно этот контингент осуществлял массовые репрессии 1933–1937 гг. «Ясно, чьими руками Сталин осуществлял массовый террор: ставка делалась на полуграмотных исполнителей», – комментируют эти цифры Н. Петров и К. Скоркин.

Начиная с 1939 года высшее или незаконченное высшее образование имели уже 38 процентов, тогда как в предшествующие годы их было не более 15 процентов. Лозунгом Ильича «Учиться! Учиться! И еще раз учиться!» руководствовались и в органах.

Теперь о партийности чекистов. По данным на октябрь 1918 г., в 94 губернских и уездных комиссиях из 450 руководящих работников 403 были коммунистами, 40 – сочувствующими коммунистам и семь — членами «мелкобуржуазных партий». Этот «разгул демократии» продолжался, однако, недолго. «Попутчиков» вычистили всех до единого еще в 20-х годах. С тех пор партбилет РКП(б) для чекистов стал как бы частью и честью мундира. Кожаную куртку без него не выдавали. Как у Козьмы Пруtkова: «Нет адъютанта без аксельбанта!» При подборе руководящих работников для ЧК принадлежность к РКП(б) считалась обязательным условием. В 65 из 94 чрезвычайных комиссий, в том числе во всех губернских ЧК, ответственные должности занимали коммунисты. Так партия становилась «вдохновителем и организатором» репрессий.

Деятельность ВЧК должны были контролировать народные комиссариаты юстиции и внутренних дел. Должны были... Заместитель наркома юстиции Николай Крыленко, человек, которого вряд ли можно «упрекнуть» в излишнем гуманизме, писал: «ВЧК страшна беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда».

Крыленко предлагал (за что впоследствии и поплатился, попав под каток репрессий 1937 г.) передать органы госбезопасности в наркомат юстиции, чтобы и на местах чекисты были под контролем губернских юристов. Дзержинский воспринял это как личное оскорбление: «Отдача ВЧК под надзор наркомата юстиции роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших “беззакониях”... Это акт не надзора, а акт дискредитации ВЧК и ее органов. ЧК находятся под надзором партии. Губюсты – это органы формальной справедливости, а ЧК — органы дисциплинированной партийной боевой дружины».

Поставить ВЧК под свой контроль удалось только Сталину. Но это, увы, не принесло ни партии, ни советскому народу ничего, кроме нового, на этот раз «Большого террора», в ходе которого были побиты все рекорды произвола чекистов, на который именно Сталин дал им карт-бланш.

А сколько было написано красивых слов штатными советскими писателями-пропагандистами о Дзержинском, Петерсе, Сорине, других чекистских палачах и вырождаках вроде чоновца Аркадия Гайдара, дедушки Егора Гайдара, премьера в правительстве Ельцина. Тот в гражданку и вовсе детей расстреливал в сибирских деревнях.

По мере того как советское прошлое от нас все дальше уходит в историю, в России, увы, вновь наблюдается ностальгия «по сильной руке». Несомненно, идеологи «чекистской корпорации» эту ностальгию искусственно подпитывают, готовя почву для своей диктатуры. Историю России вновь фальсифицируют. Утверждают, что, не будь большевиков и в первую очередь Сталина, Россия так бы и осталась «отсталой и невежественной страной», «тюрьмой народов» и т. д. Ложь все это. К 1910-13 годам Россия достигла передовых позиций развития экономики, науки и культуры. Если бы ей тогда дали хотя бы пару десятилетий стабильного развития без революционных потрясений, о чем мечтал Столыпин, не будь большевиков и их кровавых вождей, к XXI веку Россия пришла бы самой мощной и самой процветающей державой мира. И, если бы не предательский удар большевиков в спину русской армии, которая уже в 1916 году готовилась к штурму Берлина, вся история XX века сложилась бы совершенно иначе. Никакие Гитлеры на Россию не посмели бы не то что напасть – косо в ее сторону побоялись бы глянуть! Увы, у истории нет сослагательного наклонения.

Революция 1917 года и последующий чекистский геноцид русского народа отбросили Россию на десятилетия назад. Полная некомпетентность новой советской власти, неспособной к грамотному управлению экономикой, политика военного коммунизма, а главное — геноцид деятельного справного крестьянства и казачества привели уже через четыре года после революции к страшной трагедии в Поволжье, где жертвами голода стали в двадцатых годах миллионы крестьян. Последующие голодоморы крестьянства в ходе коллективизации в 30-е годы по всему СССР, а не только на Украине, после войны и в начале 50-х годов, а затем хрущевские эксперименты с укрупнением колхозов и с «догнать и перегнать Америку» обернулись уничтожением десятков миллионов сельских жителей и полным разорением деревни. По подсчетам исследователей этого периода (см. «Общество», 6 марта 2008 г.), с 1929 по 1934 годы голодной смертью в России погибло 22 млн человек. Это плата за индустриализацию, за выход из мирового кризиса 1929-33 гг., проведенный методами Сталина. В эту цифру не входят жертвы расстрельных команд ЧК — НКВД и погибшие в ГУЛАГе.

«Особая порода людей»

Американский политолог Джеймс Скотт называет четыре необходимых условия для возникновения «апокалипсиса в отдельно взятой стране». Это «модернистские идеи переделки мира, наличие достаточно сильного аппарата для проведения идей в жизнь, жестокий кризис и неспособность общества сопротивляться». (См. «Эксперт». Спецвыпуск 28 июля – 3 августа 2008 г. Самые гнусные преступления XX века. С. 9–10.) Апокалипсис по имени «красный террор» возник в России при полном соблюдении всех этих четырех условий. «Мы свой, мы новый мир построим...» – пели с середины XIX века в масонских ложах (авторы «Интернационала», как известно, были «вольными каменщиками»), но реализовать «модернистские идеи» основателей марксизма удалось лишь в России после Октябрьского переворота 1917 г. Остальное там все тоже было в наличии – и сильный аппарат в виде руководства РКП(б) с его карательным ведомством ЧК, и жестокий кризис с голодом в Поволжье, и неспособность общества сопротивляться. К этим четырем условиям Дж. Скотта я бы добавил еще одно – для организации Апокалипсиса таких масштабов, как в послереволюционной России, нужен был, говоря словами И. Бухарина, особый «человеческий материал». И большевики его нашли. В себе подобных.

После революции во власть пришли люди малограмотные либо с самым примитивным начальным образованием. В руководстве ЧК таких было немало. Но даже не это главное. Как и многие лидеры большевиков, Дзержинский и его окружение относились к той категории людей, которую А.И. Солженицын называет «образованщиной», а Достоевский в «Бесах» определил термином «полунаука» и считал, что это «самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны». «Полунаука, – по определению Достоевского, – это деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым всё преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор немыслимым, перед которым трепещет даже сама Наука и постыдно потакает ему».

Философ Иван Ильин считал, что те, кого Достоевский называл «бесами», т. е. левыми радикалами, помешанными на идее мирового революционного пожара, вышли как раз из среды «мировой полуинтеллигенции». Вот как Ильин определял это понятие:

«Полуинтеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим “умственной словесностью”. В сущности, он не знает и не умеет ничего, но отнюдь не знает, где кончается его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но застрачивает себя и других чужими штампованными формулировками, а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельно, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира как Предмета совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается с плеча и с апломбом. Главный орган его – это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведает, над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него “понятие относительное”. Зато он верит в силу лжи и интриги, в позволенность порока. И при этом он знает о своей полуинтеллигентности, он обижен ею, он не прощает ее другим, он завидует, мстит и добивается во всем первенства: он ненасытно честолобив и властолюбив».

Шеф ЧК Феликс Дзержинский классически соответствовал этому определению Ильина, а уж его кадры тем более. Ильин считал, что партийная номенклатура, эта новая правящая элита коммунистической России, состояла в основном из людей «лично и духовно нисколько не оформленных». «У них, – писал он, – нет ни религии, ни совести, ни правосознания, ни художественного вкуса, ни очевидности. Говоря словами Аристотеля, это “рабы от природы, которые достаточно причастны уму, чтобы понимать чужие мысли (Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина), но недостаточно, чтобы иметь свои”. Коммунизм развернул это царство пошлости и безбожия, обезьяньего подражания и самодовольного “изображения”...»

ЧК, где тон задавали личности вроде булгаковского Швондера, могла бы послужить Ильину наилучшей иллюстрацией этого пассажа. Что же касается рядовых сотрудников этого карательного ведомства, то мы знаем уже, что их образовательный уровень, как правило, не поднимался выше церковно-приходской школы. Ну а каков поп, таков и приход.

Большевистская диктатура была диктатурой полуинтеллигентов, для которых ЧК стала незаменимым инструментом их самоутверждения и лечения от сразу двух комплексов — превосходства и неполноценности. А эти комплексы возникают у всех полуинтеллигентов из-за отсутствия должного образования и воспитания. Историк Аким Арменакович Арутюнов провел скрупулезное исследование в архивах. Он выяснил, что главный полуинтеллигент Советской России В.И. Ленин, вопреки утверждениям его советских биографов, закончил гимназию без золотой медали, т. е. в аттестате у него была четверка по логике, а университетского диплома, после того как по его личной просьбе отчислили из Казанского университета, так и не получил. Недоучкой, оказывается, был вождь Октября. А нас-то учили, что Ильич был отличником, высокообразованным человеком, интеллигентом до мозга костей и еще профессиональным юристом. Как оказалось, диплом, который выдавали за ленинский, был выписан на имя Владимира Ивана (т. е. Ивановича) Ульянова, а не на имя Владимира Ильина (т. е. Ильича) Ульянова. Ленин якобы «неверное» зачеркнул и вместо Иван собственноручно вписал «Ильин». Именно в таком виде этот диплом как ленинский выставляли в советские годы в музее В.И. Ленина, где что ни слово о вожде — то ложь. Видимо, отсутствием должного образования объясняются и провалы Ульянова В.И. в его немногих попытках выступать в роли адвоката на судебных процессах, которые он все проиграл. Путаница в официальных биографиях «интеллигента» Ленина в том, что касается его высшего образования, привела историка Арутюнова к такому выводу:

«Владимир Ильич Ульянов никакого диплома из С.-Петербургского университета не получал, поскольку экзамены перед испытательной комиссией юридического факультета не сдавал». Понятно теперь, почему так болезненно реагировал Владимир Ильич на российскую профессуру и интеллигенцию вообще:

«...Вообще к интеллигенции, — писал он, — я большой симпатии не питаю, и наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к рождению новой интеллигенции. “Ликвидировать безграмотность” следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего». (Очень напоминает мне этот пассаж рекомендации Гитлера по обращению с населением на оккупированных восточных территориях — образование давать самое примитивное, только чтоб умели читать указы германских властей.)

Ненависть большевистских полуинтеллигентов к русской интеллигенции обернулась для лучших умов России гибелью в расстрельных подвалах ЧК. Достаточно упомянуть дело великого поэта Николая Гумилева, безжалостного уничтоженного подручными бездарного стихоплета Дзержинского. По фатальному совпадению другой рифмоплет Юрий Андропов, возглавивший КГБ, преследовал будущего лауреата Нобелевской премии, поэта Иосифа Бродского, и добился его изгнания из СССР. Всякие там «чеховские интеллигенты» большевикам были как кость в горле. В коммунистической России им места не было. Одних уничтожали в подвалах товарища Дзержинского. С другими расправлялись методом насильственной высылки, или «предусмотрительной гуманности» по формулировке Троцкого. Доживавший последние годы Ленин настоятельно рекомендовал в своем письме генсеку ЦК ВКП(б) Сталину этим методом воспользоваться самым активным образом: «Розанов, Вигдорчик, Франк... надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их — вон из России. Делать это надо сразу. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа! Чистить надо быстро».

И чистили быстро. Через несколько месяцев после указания Ленина чекисты собрали около трехсот человек – философов, литераторов, ученых, врачей с мировыми именами, среди которых оказались Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков, Юлий Айхенвальд, Николай Лосский, Абрам Каган, Василий Розанов и другие, – и на зафрахтованных немецких пароходах отправили в пожизненную ссылку за границу. Эта беспрецедентная карательная операция ЧК вошла в историю как «философский пароход».

Вот как вспоминал последний день пребывания на Родине Сергей Трубецкой: «Как и в Москве, перед отъездом я постарался обойти город и проститься с ним, так и тут я прощался с Петербургом, с его видами, памятниками, Эрмитажем... Последний день, последние часы в России тянулись для меня, казалось, бесконечно... Но вот, наконец, наступил час погрузки на пароход. “Обербургомистр Хаген” стоял на Невской пристани... Вместе с нами на пароход вошли и несколько чекистов... наши паспорта нам на руки выданы не были, они остались у чекистов... Вот вырисовывается Кронштадт и Толбухин Маяк. От нашего парохода на ходу отваливает лодка, в ней наши чекисты... “Ваши паспорта у меня”, – говорит наш капитан... Тяжелый камень сваливается с моего сердца... В то же время нет и легкого чувства радости, щемящая тоска охватывает меня. Я впираюсь глазами в последний краешек родной земли. Грусть, тоска, безнадежность! Но это Россия, страна наших отцов и дедов. Сердце сжимается. Неужели навеки? Нет! Нет! Я надеваю на себя маску бодрости – для других и главное, может быть, для самого себя». Я вспомнил эти слова на берегу Атлантики во французском Биаррице, где до сих пор сохранился фамильный особняк Трубецких, самый красивый в городе. Нет, они без России не пропали, добились признания, сделали неплохие карьеры. Но сколько потеряла без них Россия!

«На каждого интеллигента должно быть дело»

Борьба с русской интеллигенцией была составной частью сословного геноцида, который осуществляли чекисты по указанию большевистских лидеров. В.В. Шульгин рассказывает о визите Лейбы Троцкого в Киев летом 1918 г.: «Он выступал публично, сказав речь. У слушавших эту речь остались незабываемые воспоминания. Это был кровавый призыв уничтожать “врагов”. Одних убить, а других “зажать”. Такова была, значит, директива центра: физическое и моральное убийство “врагов” рекомендовал правомочный министр коммунистической партии. К кому же должно было применить это кровавое зажатие? Бронштейн-Троцкий перечислил намечаемые жертвы по сословиям и профессиям. И, когда слушатели расходились с этой страшной лекции, у них трепетало жуткое чувство: *призыв Троцкого означал избиевание русской интеллигенции* (выделено автором. – В.В.). И избиевание произошло...» (см.: Шульгин В.В. Указ. соч. С. 92).

В Киеве сразу же после «лекции» Троцкого начались аресты интеллигенции. Для ареста использовались любые «документы»: списки участников предвыборных собраний политических партий аж 1911 года, сведения о членстве в профессиональных обществах адвокатов, учителей, актеров. Так и расстреливали. Списками. По алфавиту. И это происходило не только в Киеве – по всей России.

Летом 1922 года Ленина хватил инсульт. Но в сентябре, едва оправившись от удара, он вызвал в Горки Феликса Дзержинского. Из его записей стали известны директивы вождя по борьбе с интеллигенцией:

«Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.); 4) Техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.); 5) Профессора и преподаватели; и т. д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. *На каждого интеллигента должно быть дело* (выделено мной. – В.В.). Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно... Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов был без оговорок поддержать Советскую власть».

Но тех, кто «без оговорок», среди русской интеллигенции, оставшейся в живых после красного террора и «философских пароходов», было немного. В большинстве своем она перешла в духовную оппозицию большевизму. Ленина это бесило. Он инструктировал Дзержинского: «Они нас дурачат. Обдумать, подготовить и ударить сильно». Удары следовали один за другим.

Из циркулярного письма ГПУ «Об антисоветском движении среди интеллигенции»: «Работа по вузам должна свестись к следующему: 1) К организации сети осведомителей среди профессуры и студенчества на всех факультетах. Аппарат Бюро содействия (на каждом предприятии были созданы Бюро содействия ГПУ) в вузах должен быть создан из кадров верных, политически развитых людей, хорошо ориентирующихся в положении высшей школы. Вменить в задачу Бюро содействия вербовку беспартийных осведомителей. Необходимо детальное освещение: а) политических настроений и движений профессорской и студенческой массы, б) всех группировок профессоров и студенчества, возникающих под флагом беспартийных организаций (организации взаимопомощи, научные кружки и ассоциации, землячества)... 2) На

каждого профессора и политически активного студента должна быть составлена личная карточка-формуляр, куда систематически заносится осведомительный материал».

Особое внимание ГПУ рекомендовало обратить на «секции врачей, агрономов, юристов, инженеров, работников искусства и союз учителей». Осведомители должны были проникать в руководство обществ, союзов, «пробираться», как сказано в документе, на выборные должности. «Ввиду того значения, которое приобрели в последнее время всероссийские и местные съезды по вопросам промышленности, торговли, финансовой и аграрной политики... Губотделы ГПУ должны стремиться к проведению на съезды в качестве местных делегатов своих осведомителей».

О том, что такое НЭП, советские люди, не заставшие этот период в молодости, знали разве что по книгам Ильфа и Петрова. Но и по ним можно судить, как расцвела в стране частная инициатива, как много издавалось разных журналов и газет, сколько было независимых издательств, новых театров и галерей. Для большевиков эта бесконтрольность интеллигенции была как кость в горле.

Советский нарком просвещения Андрей Бубнов (его, кстати, расстреляли как врага народа в 1938-м) писал на закате НЭПа:

«Первая волна буржуазного реставраторства в условиях НЭПа складывалась из четырех следующих элементов: 1) проповеди экономического либерализма, 2) академической контрреволюции, 3) расцвета идеализма и поповщины и 4) широкого распространения бульварщины, порнографии и пинкертоновщины. С конца 1921 г. частный капитал действительно пошел в издательское дело. Создалась даже настоящая издательская горячка: до августа 22 г. было дано разрешение на образование в Москве 337 издательств, а в Петербурге 83 издательства, с октября 21 г. по август 22 г. на цензурный просмотр поступила от одних московских издательств 1261 рукопись».

Дав лицензии частным издательствам, большевики цензуру не отменили и для них. Но Бубнов уже шил им дело в своем публичном доносе:

«Мы видим налицо, как... создавались центры, организующие вокруг себя остатки старой буржуазной русской интеллигенции, которая начала свою работу по распространению явно контрреволюционных буржуазно-реставрационных идей».

«На каждого интеллигента должно быть заведено дело». Так повелел Ленин, великий и ужасный. К весне 1923 года партийно-карательный механизм борьбы с инакомыслием был окончательно сформирован. Отдел интеллигенции ОГПУ поставил все частные издательства и их авторов на учет. В творческих союзах кишмя кишели осведомители. Особые «надзирающие» бюро следили за книжным рынком. Из них рукописи направлялись на рецензию «партийным товарищам». Именно в те времена полуинтеллигенты из ЧК впервые выступили в роли «искусствоведов в штатском». Одновременно с расправами над инакомыслящими в ЧК еще при Дзержинском и Урицком стали приручать интеллигенцию, в первую очередь творческую. Но приручали главным образом звезд, всемирно известных. Негласный «Филиал Союза писателей СССР на Лубянке», действующий до сих пор, выдал на-гора целые тома с описанием трогательной заботы чекистов тех лет о Есенине и Маяковском, о Горьком и Мейерхольде, о Булгакове и Шолохове. Не стесняясь, пишут о том, как обложили их агентами, как использовали Маяковского и других «бардов революции», для того чтобы вербовать известных западных писателей, художников, артистов, кинорежиссеров...

Они держали бунтарей и диссидентов того времени на коротком поводке. Но едва лишь им стоило выйти из повиновения, тут же заводили на них дело, а то и инсценировали «самоубийство». Не буду повторяться, об этом много написано. Страшно поплатились те, кто уверовал в дружбу с «искусствоведами» с Лубянки.

Даже Максиму Горькому время от времени напоминали, из чьих рук он ест. После того как он публично выступил против высылки интеллигенции из России на «философских паро-

ходах» и репрессий против оставшихся в СССР за их бортом, в передовице «Правды» «главному пролетарскому писателю» сделали весьма серьезное предупреждение: «Максим Горький – это наш больной зуб. Когда-то он прочно сидел в рабочей челюсти. Немало всякой духовной пищи пережевывал рабочий класс благодаря крепости этого зуба. Теперь этот зуб расшатался. Если можно будет его запломбировать – хорошо: он сослужит еще хорошую службу, если он безнадежно болен – надо вырвать».

Как только Горький посмел заявить, что «правда – бог свободного человека», он стал для большевиков опасен. В Кремле приговор ему уже был вынесен. Ждать его приведения в исполнение оставалось недолго. С Горьким, конечно, побоялись расправиться в расстрельном подвале – у него была мировая слава и огромный авторитет не только в России. Он вроде бы умер естественной смертью, хотя есть немало свидетельств, что его отравили приставленные к нему чекисты, не покидавшие ни на день даже его дом. Ас теми, кого за рубежом знали лишь понаслышке, если знали вообще, не церемонились. Полуинтеллигенты в чекистских кожанках «перевоспитывали» цвет русской интеллигенции на Соловках и в других лагерях ГУЛАГа, гноили гениальных ученых в своих «шарашках», забивали насмерть сапогами, как поэта Мандельштама. Зачем понадобились большевикам эти зверства?

«Режим объявлял вне закона даже не оппозицию, ставшую жупелом, а тех, кто сохранил способность и волю критически относиться к действительности, – писала газета “Время новостей” в статье, посвященной архивным материалам о борьбе чекистов с интеллигенцией. – Характерно, что в психиатрии так называемая “потеря критики” является одним из основных симптомов для признания человека недееспособным. Большевики пытались довести российскую интеллигенцию именно до этой социальной недееспособности и тем самым обезопасить себя от нравственной оппозиции. Нейтрализация духовной элиты давала возможность безнаказанно манипулировать массовым сознанием, в чем власть и преуспела в последующие десятилетия» («Время новостей», 22 апреля 2008 г.).

В этом подоплека процесса против эсеров, «академического дела», «Процесса Промпартии», гонений на «буржуазных спецов», «борьбы с буржуазной лженаукой» кибернетики и «продажной девкой империализма» генетикой. В том же русле – ждановское постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», «Дело врачей» и борьба с «безродными космополитами». Годы после смерти Сталина отмечены хрущевской «бульдозерной выставкой», его матом у работ Фалька в Манеже, его истерикой на встрече с творческой интеллигенцией в адрес Андрея Вознесенского. Да и только ли это!

Чекизм и полуинтеллигенция – это слова-синонимы. От отдела «по интеллигенции», сформированного в начале 20-х годов, повело свою родословную Пятое управление КГБ, занимавшееся инакомыслящими. Психушки для диссидентов, действовавшие всю во времена Брежнева и Андропова, унаследовала и «демократическая» Россия.

Даже после смерти Сталина интеллигенция осталась для большевистской верхушки всего лишь презренной «прослойкой». В иные годы квота на вступление в КПСС для «трудовой интеллигенции» устанавливалась на уровне в двадцать раз ниже той, что предоставляли рабочим. Покончив с интеллигенцией из «бывших», большевики решили, кстати вопреки указаниям Ленина, создавать свою, «новую». Это крамольное отступление от заветов вождя объяснялось, однако, практической необходимостью. По мере развития Советского государства и его экономики потребовалось огромное количество специалистов во всех областях знаний. Вслед за политической революцией последовала поэтому революция культурная, о которой до сих пор справедливо говорят как об одном из выдающихся достижений советского периода. Без нее был бы невозможен подъем экономики по мобилизационному сценарию Сталина. Конечно, и тут без издержек не обошлось. Вместо «старорежимной» интеллигенции в СССР было налажено поточное производство «трудовой», советской интеллигенции. Классический продукт этого потока – один из организаторов «Большого террора» Никита Сергеевич Хру-

щев, получивший высшее образование по партийной разнарядке со всеми отсюда вытекающими. Это был даже не «полу-интеллигент» по Ильину, а такой полуневежда, по сравнению с которым полуневежда по Пушкину был просто рафинированным интеллигентом. Более дремучую личность, чем Хрущев, вознесшийся от подпaska, крутившего хвосты волам, до генерального секретаря ЦК КПСС, от составителя кровавых расстрельных списков для НКВД до верховного главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, едва не ввергший мир в третью мировую ядерную войну, трудно было найти в сталинском окружении. Но именно его выдвинули после смерти Вождя в генсеки!

Большевизм по самой своей природе создавал все условия, для того чтобы именно такие выдвинутые «из низов» с двумя извилинами, параллельными позвоночнику, и горящим взором «преданных борцов» прорывались в высшие эшелоны власти и на самые номенклатурные должности. А сколько этих «гигантов мысли», хотя и пообтесавшихся за годы Советской власти, унаследовали от СССР и КПСС Российская Федерация и прочие экс-советские республики!

По роду своей работы мне не раз приходилось с ними встречаться, брать у них интервью, задавать им вопросы на официальных пресс-конференциях. Всегда поражало прежде всего то, что они и по-русски-то говорить правильно не умели, даже не могли сформулировать свою мысль. Они говорили тезисами, лозунгами, выкриками на каком-то своем бюрократическом языке, понятном только входящим в коридоры власти. Перлы бывшего советского министра, а затем премьера РФ Черномырдина вошли в сокровищницу русско-советского «новояза». Чего стоит только один его афоризм: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!» Конечно, гэбисту Михаилу Фрадкову, который, бездарно отслужив свой срок на посту премьера России, вернулся в родные авгиевы конюшни и возглавил СВР, до него далеко. Но зато какие перлы занесли в свои записные книжечки собиратели «фрадкизмов». Вот, например: «Есть некоторые озабоченности, но они пока носят неопределяющий характер». Или: «Я рискую оголить ситуацию, но задаю вопрос...». И наконец: «Правительство не преследует цели обобщить нефтяников до неузнаваемости, так что нечего мне рака за камень заводить»...

И эти люди принимали и принимают жизненно важные решения, от которых зависит жизнь каждого из нас! Замечу, что в точном соответствии с анамнезом Ильина «полуинтеллигентные» невежды из числа партлидеров СССР и их бюрократическое окружение искренне презирали интеллигенцию, всех «очкариков», которым недоступна была высокая «наука» подкованных аппаратных игр и партвыживания. Их могли использовать как интеллектуальных «пролей», если использовать «новояз» Джорджа Оруэлла, но им не было доступа в закрытый мир номенклатуры, той «внутренней партии» КПСС, которая была одновременно и властью, и государством. В этом не раз приходилось убеждаться на собственном опыте и мне, как многим советским журналистам, которых Никита Хрущев прилюдно обозвал «подручными партии».

Кровавая утопия

Автор одной из наиболее известных книг о терроре большевиков «Красный террор в России» И. Мельгунов писал: «Данные истории нам говорят, что "белый" террор всегда был ужаснее "красного", другими словами, реставрация несла с собою больше человеческих жертв, чем революция. Если признавать большевиков продолжателями революционной традиции, то придется признать и изменение этой традиционной исторической схемы. Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевицкий террор. Это система, нашедшая своих идеологов; это система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мира. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение» (Мельгунов С.П. Красный террор в Росии. 1918–1923).

Гэбисты хорошо усвоили Джорджа Оруэлла: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует настоящее» (см.: Оруэлл Дж. 1984). В этом причина всех попыток реабилитации их службы. Немудрено, что после распада СССР первейшим помощником гэбистов в этой идеологической реконкисте стала КПРФ, провозгласившая себя наследником КПСС. Коммунистическая печать России – самый активный защитник органов госбезопасности СССР «от клеветы либералов и демократов». В ностальгии по советскому прошлому вожди КПРФ не раз выступали «за возвращение Сталина». «Советская Россия» из номера в номер заявляет, что цифры жертв большевистского террора завышены в разы, что никаких сталинских репрессий вообще не было, а если они и были, то проводились оправданно. В пушку красное рыльце. В КПРФ знают, кто был крестным отцом ЧК и кто давал ей, а затем и системе ГПУ – НКВД – КГБ команды пытать, ссылать и расстреливать. Ведь неслучайно Сталин требовал, чтобы на особо важных расстрельных списках ставили свои подписи все члены Политбюро. И они свои автографы и комментарии оставляли исправно, всячески подчеркивая в них свою ненависть к «врагам народа», почтение к вождю и к его карательной службе. Конечно, до тех пор, пока их останки с почетом хранят в Кремлевской стене и около нее, пока их зловещая роль в организации большевистского террора не раскрыта до конца, ни о какой демократии в России говорить не приходится. Без дегэбизации она возможна только в форме «суверенной демократии» (термин путинского серого кардинала В. Суркова), означающей неограниченный произвол коррумпированной бюрократии, спецслужб и связанного с ними, как сиамские близнецы, криминала.

ЧК и ленинский ЦК – это тоже близнецы-братья. О руководящей роли партии в организации массового террора по причинам, о которых мы говорили выше, даже в наше время предпочитают помалкивать. Но народ должен знать своих героев. Поэтому обратимся к классикам.

В.И. Ленин, добросовестно законспектировавший работы Маркса и Энгельса, равно как и Троцкий, думал поначалу, что революция в России должна была стать частью мировой пролетарской революции. Даже после того, как стало ясно, что мировой пролетариат не спешит последовать примеру российского, мировая революция все равно готовилась. Ленин сразу после Октября 1917-го выделил на эти цели гигантские по тем временам средства на создание III Коммунистического Интернационала и на пропитание весьма значительного контингента профессиональных революционеров, прибывавших в Москву «за опытом» практически из всех существовавших тогда стран мира и их колоний. Ни одному из них не удалось ускользнуть от опеки ЧК, и впоследствии этот «человеческий материал» чекисты активно использовали для создания своей глобальной сети шпионажа и диверсий. Планировался гигантский передел мира. Экспроприация экспроприаторов готовилась в глобальных масштабах. Все миро-

вое богатство собирались, по крайней мере на словах, отобрать у богатых и поделить поровну между неимущими. Что из этого получилось в России, мы знаем.

Философ Иван Ильин считал, что большевистское понимание справедливости и равенства – это «доктрина, направленная сразу против Бога, против природы и против справедливости». Ильин, как и многие другие русские мыслители, не был против равенства. Он был против уравниловки, против механического нивелирования человеческой личности и подведения всех и вся под единый стандарт. Достоевский высмеял эту идею механического равенства в своих «Бесах» в известном монологе своего героя-революционера:

«Рабы должны быть равны... Не надо образования, довольно науки! Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь – вот уже и желание собственности. Мы уморим желание... Мы всякого гения потушим во младенчестве. Все к одному знаменателю. Полное равенство».

Большевистская «Утопия» если и имела русские корни, то в формуле равенства, выведенной еще в XVIII веке Степаном Разиным, атаманом взбунтовавшихся крестьян и казаков: «чтобы всяк всякому был равен». Но и эта формула скорее международная, ибо популярна в любой охлократии, как именовали греки власть толпы. Революция в России была задумана как часть мировой революции. Ее теоретики и практики исходили из того, что прежние правящие классы нигде добровольно ни власть, ни денег не отдадут, и готовились поступить с ними по рецептам Стеньки Разина. И не только с ними. Уже в первые месяцы после Октябрьского переворота в России стало ясно, что и пролетарии, а уж тем более крестьяне, далеко не везде приняли большевиков. Красное революционное нашествие оказалось страшнее кайзеровского, т. к. сопровождалось социальным геноцидом, искоренением православия, массовым уничтожением церквей и монастырей, причем вместе с монахами и православными священниками, полным отрицанием русской культуры, голодомором и жестоким террором против всех, кто пытался этому произволу противостоять. Патриарх Тихон уже 19 января 1918 года назвал революцию «сатанинским делом» и предал большевиков анафеме. Лидер большевистской революции открыто признавали, что задумали уничтожить по крайней мере 10 млн русских людей. «Мы, – декларировал на 7-й Петроградской большевистской конференции в сентябре 1918 года ближайший соратник Ленина и теоретик геноцида русского народа Г.Е. Зиновьев, – должны увлечь за собой 90 млн из ста населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить, их надо уничтожить» (Северная коммуна. 19.9.1918).

Ни Маркс, ни Ленин не мыслили революционное государство иначе как «диктатуру пролетариата». Ее основной функцией было «подавление эксплуататорских классов» теми методами, которые предложил Дзержинский и одобрили вожди большевиков. Но подавление вскоре стало тотальным. К стенке ставили и имущих, и неимущих, и тех, кто «состоял на царской службе», и тех, кто «был с ними идейно». Истребление кадровых военных, государственных служащих высокого ранга и несогласной с коммунистами интеллигенции затронуло и квалифицированных рабочих, и зажиточных крестьян. Такая резня шла, как мы знаем, и шла безжалостно с первых дней революции именно под руководством Ленина, который не раз призывал своих карателей патронов не жалеть. Просматривая в 1922 году будущий Уголовный кодекс, Ленин, юрист по образованию, вывел свою формулу «революционной законности»: «Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее (т. е. практически до бесконечности. – В.Б.), революционным трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания – расстрела... По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылки за границу) ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. (эсеров. – В.Б.) и т. п. Найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбе с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)».

В.И. Ленин видел в «диктатуре пролетариата» три фундаментальные основы: власть, насилие, свободу от любых законодательных ограничений. «Научное понятие диктатуры, – писал он, – означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (*Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 41. С. 383). И уточнял, дабы уж никаких не было сомнений, что эта «диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» [*Ленин В.И.* Поли, собр. соч. Т. 37. С. 245). И, чтобы совсем уже было все ясно, расставил точки над «i» со свойственной ему безапелляционностью: «Для нас важно, что *ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата* (выделено мной. – В.Б.), и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров— нет» (там же). Итак, расстрельная деятельность ЧК, насилие во всех его видах и формах – это и есть диктатура пролетариата, сама суть установленного большевиками нового государственного устройства, в результате чего вся Россия превратилась в Архипелаг ГУЛАГ.

Ленин без колебаний отдавал людоедские приказы ЧК и Красной армии, идя на самые страшные меры, на беспрецедентные преступления против человечества, для того чтобы удержать власть. Он не устал повторять своим соратникам, что у них нет иного пути подчинить Россию, кроме террора. Призывая их усилить террор против русского народа, он, по признанию В. Молотова, говорил: «Иначе вас всех растерзают» (*Чуев Ф.* Беседы с Молотовым. С. 210). Понимал, что народ никакой любви к нему, о которой потом нам всем продолбили уши, не испытывал, а напротив – возненавидел.

Осенью 1918 года большевистское руководство охватила настоящая паника: белогвардейские армии и интервенты брали территорию, контролируемую красными, в кольцо. Экспортеры революции, залившие кровью Россию, дрожали от страха за свою жизнь, боясь расплаты за все свои злодеяния. «Положение наше безнадежно и наши дни сочтены», – говорил К. Радек. «Нас перережут!» – стонал Мануильский. – Но перед уходом мы здорово хлопнем дверью, и буржуям не поздоровится» (*Борман А.А.* Указ. соч. С. 126–133). Именно в этой атмосфере животного страха и ненависти узурпаторов к поднявшейся против них России и родился декрет СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 года. В нём, в частности, говорилось о том, что расширение масштабов террора является прямой необходимостью. ВЧК получает неограниченные права, чтобы изолировать всех потенциальных врагов большевизма в концентрационных лагерях. «Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, – говорилось в декрете. – Необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры». Этот декрет подвел под террор большевиков своего рода «юридическую базу», хотя от этого сей чудовищный документ своего преступного характера не утратил. «Юрист» Ленин над этим произведением поработал лично. Опыт такого рода он приобретал с первых дней революции. Поэтому начало красного террора следует исчислять именно с Октябрьского переворота, хотя многие исследователи связывают его именно с декретом от 5 сентября 1918 г.

Напомним некоторые факты. Уже в декабре 1917 года Ленин предлагает полный набор методов борьбы с врагами социализма – выборочные расстрелы лиц, отказавшихся работать на большевистский режим, тюрьмы для всех сомневающих в правоте «ленинских истин». В статье «Как организовать соревнование» Ленин пишет: «В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом поставят их чистить сортиры. В третьем снабдят по отбытии карцера желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом расстреляют на месте одного из десяти, виновных в туеядстве...» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 200–204). Террор и насилие стали главным орудием государственной политики большевиков начиная с первых дней советской власти. Уже в конце 1917-го – первой половине 1918

года были репрессированы тысячи русских людей, прежде всего представителей русской армии и государственного аппарата. 3 (16) января 1918 года «Правда» писала: «... За каждую нашу голову – сотню ваших».

В Петрограде к концу 1917 года оставалось несколько десятков тысяч офицеров, сопротивления которых большевики очень боялись. За первую половину 1918 года больше половины их было расстреляно сначала под руководством Петерса, а затем Урицкого. Только при Урицком в Петрограде убили около 5 тыс. офицеров (*Жевахов Н.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 135). С таким же усердием чекисты искали царских чиновников и убивали их без суда и следствия. Всех, кто был связан с делом Бейлиса², большевики убили в первые же годы после Октябрьского переворота. Были расстреляны министр юстиции Щегловитов, прокурор киевской палаты Чаплинский, товарищ прокурора Виппер, член Государственной Думы Замысловский. Убийства русских государственных деятелей, чиновников государственного аппарата, офицеров, священников, членов патриотических организаций проводились планомерно и систематически. Как рассказывает очевидец, просидевший весь 1918 год в московской Бутырской тюрьме, заключенных регулярно гоняли на закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела. Заключенных вывозили на грузовике под надзором вооруженной стражи на Ходынское поле, Ваганьково и в район Петровского парка. Могилы выкапывались сразу же на 20–30, а то и больше человек. Со своей стражей заключенные успели познакомиться так близко, что она делилась с ними своими впечатлениями о производившихся операциях. Однажды, рассказывает очевидец, по окончании копания очередной сплошной могилы-канавы конвойные объявили, что на следующее утро предстоит «важный расстрел» попов и министров. В числе расстрелянных оказались: епископ Ефрем, протоиерей Восторгов, министр внутренних дел Н.А. Маклаков, председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов, бывший министр внутренних дел А.Н. Хвостов, сенатор С.П. Белецкий и другие («Двуглавый Орел». 14.06.1922).

Вера Чеберяк, проходившая по «делу Бейлиса» как свидетельница обвинения, в 1919 году была расстреляна в киевской ЧК. Арестованный в том же году в Киеве чекист отмечал в своих показаниях, данных белым, что «Веру Чеберяк допрашивали все еврей-чекисты, начиная с председателя ЧК Сорина (Блувштейна)». При этом комендант ЧК Фаерман «над ней издевался, срывая с неё верхнее платье и ударяя дулом револьвера... Она отвечала: "Говорила на процессе Бейлиса я сама... меня никто не учил и не подкупал..."». Её тут же расстреляли (см.: *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. 10 глава).

В январе 1918 г. Нарком внутренних дел масон-большевик Петровский издает приказ, разосланный по всем губерниям и уездным органам о массовом взятии заложников из числа бывших правящих классов, офицеров, интеллигенции. В случае «малейшего движения в белогвардейской среде» к заложникам предлагалось применять «безоговорочный массовый расстрел» (Еженедельник ВЧК. 1918.1. С. 11). «Всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову, – грозился чекист Я. Петерс, – встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеют все» (Еженедельник ВЧК. 1918. Ноябрь). Но, конечно, самый крупный теоретический вклад в красный террор внес В.И. Ленин.

Встревоженный известиями о приближении англичан к Баку летом 1918 г., Ленин отдает приказ сжечь этот город. То же самое он предлагает в сентябре 1918 года сделать в Казани. В телеграмме на имя Троцкого в Свияжск говорилось: «Удивлен и встревожен замедлением операций против Казани... По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дальше, ибо необ-

² *Дело Бейлиса* – судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 года. Процесс состоялся в Киеве (Российская империя) 25 сентября – 28 октября 1913 года и сопровождался, с одной стороны, активной антисемитской кампанией, а с другой – общественными протестами. Бейлис был оправдан за недостатком улик.

ходимо беспощадное истребление...». Таким же образом он приказывает действовать в Ярославле во время эсеровского восстания.

26 июня 1918 года Ленин направляет Г. Зиновьеву телеграмму:

«Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы... удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-можно!

Надо поощрять энергию и массовидность террора...».

В начале августа 1918 года Ленин настаивает на введении заложничества при изъятиях хлеба у русских крестьян. По его мнению, в каждой хлебной волости следует отобрать 25–30 заложников из богатей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков. Причем не просто взять, а назначить поименно по волостям (Ленинский сборник. Т. 18. С. 145–146).

Ленин дает личное указание об ужесточении террора против русских людей. Этими указаниями переполнены его письма в провинцию.

«Пенза. 9 августа 1918.

Копия Евгении Бош.

Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».

«В Пензу. Москва, 11 авг. 1918 г.

Товарищам Кураеву, Бош, Минкину

и др. пензенским коммунистам.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать: 1) Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц 2) Опубликовать их имена 3) Отнять у них весь хлеб... 5) Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц-кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P. S. Найдите людей потверже».

18 августа 1918 г.:

«Здоровец, Орловской губ., Бурову, Переяславцеву;

копия губсовету Орловскому.

Необходимо соединить беспощадное подавление кулацкого левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой хлеба полностью с раздачей бедноте части хлеба даром, телеграфируйте исполнение» (РЦХИДНИ, 2/1/6/898).

«Ливны. Исполкому...

20 августа 1918 Москва.

Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, моби-

лизовать и вооружить бедноту при надежных вождах из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их...»

«Пенза. Губисполком. 29 августа 1918 г.

Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от вас о том, какие же наконец серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены вами. Бездеятельность ваша преступна...»

«Саратов. Пайкису 22 августа...

Временно советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...»

«Шляпникову, 12 декабря 1918 г...

Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили...»

«Реввоенсовет Южного фронта.

Сокольникову.

...Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать до конца восстание (имелось в виду восстание казаков)... если вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно...»

«Симбирск.

Реввоенсовету Восточного фронта...

Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию, иногда поголовную, прифронтовой полосы, на местные воензаги и на сбор винтовок с населения. Расстреливайте за сокрытие винтовок...» (Цит. по: Ленинский сборник; *Платонов О.* Терновый венец России).

Еще одним видным теоретиком и практиком красного террора был Л. Троцкий. Он говорил: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». По личному приказанию только Троцкого в годы гражданской войны расстреляны тысячи людей. Вот один из характерных его приказов, отпечатанный типографским способом и раздаваемый солдатам в качестве листовки: «Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым – командир. Мужественные, храбрые солдаты будут поставлены на командные посты. Труссы, шкурники и предатели не уйдут от пули».

Символом террористического руководства Красной армии стал легендарный поезд Троцкого, специально сформированный состав (даже два состава), в который входили бронированные вагоны с боевиками особого назначения, вооруженными автоматическим оружием; типография, телеграфная станция, радио, электростанция, библиотека, гараж на несколько автомобилей, цистерна с бензином, баня. Поезд был как бы подразделением быстрого реагирования и появлялся в местах, где руководство армией проявляло колебание. По прибытии из него выскакивали до зубов вооруженные боевики, одетые в кожаные куртки, и в считанные минуты расправлялись с колеблющимися или, по мнению Троцкого, ненадежными командирами. Для «хороших» командиров и бойцов в поезде имелся запас щеголеватых сапог, кожаных курток, медикаментов, пулеметов, биноклей, карт, часов и всяких других подарков. «Поезд, – признавался Троцкий, – был не только военно-административным и политическим, но и боевым учреждением... Все работники поезда без исключения владели оружием. Все носили

кожаное обмундирование, которое придает тяжеловесную внушительность. На левом рукаве у всех, ниже плеча, выделялся металлический знак, тщательно выделанный на монетном дворе и приобретший в армии большую популярность. Вагоны были соединены внутренней телефонной связью и сигнализацией. Для поддержания бдительности в пути часто устраивались тревоги и днем, и ночью. Вооруженные отряды сбрасывались с поезда по мере надобности для «десантных» операций. Каждый раз появление кожаной сотни в опасном месте производило неотразимое впечатление». «Коженосотенцы», среди которых преобладали лица еврейской национальности, совершали жестокие погромы, убивая для острастки не только неугодных командиров, но и множество простых бойцов, гражданских лиц, неуважительно («антисемитски») относившихся к Троцкому (см.: *Платонов О.* Указ, соч. С. 548–549, 582–583).

Произвол был, таким образом, официально возведен лидерами большевиков в норму государственной жизни в России, а насилие — в ранг государственной политики. Идеолог компартии, любимец Ленина Н.И. Бухарин, открыто провозгласил, что пролетарскую диктатуру следует рассматривать, как «форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти» (*Бухарин Н.И.* Избранные произведения. Теория пролетарской диктатуры. М., 1988. С. 19). Он считал, что «пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (*Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода; *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168). Таково было «теоретическое обоснование» социального геноцида, проводившегося большевиками, что «теоретику» Бухарину не помогло самому избежать подвалов Лубянки, где он и сгинул после показательного суда.

Чтобы скрыть и оправдать зверства ЧК, Ленин и его окружение использовали любые предлоги, причем с цинизмом необыкновенным. В марте 1922 г. в результате массовых изъятий продовольствия большевики вызвали первый голодомор в Поволжье. И вот именно тогда под предлогом помощи голодающим Ленин потребовал организовать изъятие церковных ценностей якобы «для нужд мировой революции». В своей записке в Политбюро он писал: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов (вот она, долгожданная «революционная ситуация». — *В.Б.*), мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше (выделено мной. — *В.Б.*); надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Чекисты вселяли ужас своими зверствами, как видим, с дальним прицелом. Страх перед ЧК, подлинный ужас перед кровавым произволом большевиков должен был послужить укреплению их власти.

Так террор стал средством управления государством. И это ленинское «ноу-хау» впоследствии не раз использовали коммунисты во всем мире — от террора «Рот фронта» в Гамбурге в 1923 г. до геноцида миллионов камбоджийцев, организованном красными кхмерами в 70-х годах XX века.

Известно, что в СССР существовали не только планы промышленного и сельскохозяйственного производства, но и планы расстрелов и арестов. А в условиях непрекращающегося «социалистического соревнования» и те, и другие должны были перевыполняться. Еще в 20-х годах, когда произвол ЧК вызвал возмущение даже в рядах партии, сотрудники чрезвычайных комиссий выступили с показательным публичным заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Здесь лишне спорить о том, правильна или неправильна была наша тактика. Это разберет история. Вместо лишних слов мы еще раз указываем на массу резолюций о необходимости

красного террора, еще раз подчеркиваем, что Чрезвычайные комиссии проводили в жизнь не свои постановления, не свою тактику, не свою волю, а постановления и волю пролетариата, его органов власти, его авангарда— коммунистической партии» (Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сб. документов. М., 1958. С. 246). Тогда, в 20-х, в сложной для чекистов обстановке РКП(б) решительно встала на их защиту и призвала коммунистов не забывать, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и ее контролем» (там же, с. 250). Тут, как говорится, ни прибавить ни убавить.

Даже после победы большевиков в гражданской войне, как отмечается в документах Сахаровского центра, «карательные органы, почищенные и подновленные, продолжали верой и правдой служить так называемой диктатуре пролетариата. В их репрессивной деятельности в течение десятилетий сохранялось то, что в определенном смысле можно назвать «чекистскими традициями»: игнорирование общегосударственного законодательства и опора на внутриведомственные акты, отсутствие гласности и общественного контроля, нарушение общепринятых процессуальных норм и юридических гарантий, массовые внесудебные расправы, беспощадное подавление инакомыслия, тотальный контроль над армией и населением— и все это под руководством правящей коммунистической партии» (см.: Книга для учителя).

Тут подмечен момент очень важный для понимания репрессивной сути чекизма. Ведь теоретически террор большевики оправдывали необходимостью «защиты революции». Казалось бы, после разгрома Белой армии и Антанты можно было от таких кровавых методов удержания власти отказаться. Но эти методы стали только кровавее.

Глава вторая

Яков свердлов – царевубийца

Революция — это кровавый бассейн, в котором отмывают аморальные деяния.

Р. Шатобриан

Черный Янкель и его братья

Одной из ключевых фигур в развязывании красного террора в России был Яков (Янкель) Михайлович (Мовшевич) Свердлов (1885–1919). Известен также под фамилией *Эйман*. Партийные псевдонимы: товарищ Андрей, Макс, Михаил Пермьков, Смирнов и др. Я. Свердлов родился в еврейской семье. Его дедом был торговец Израиль Гаухман, зарегистрированный в Саратове в 1875 году. В 1882 году отец будущего революционера Мираим-Мовше Израилевич Гаухман с женой Елизаветой Соломоновной, переехав из Витебской губернии, обосновался в Нижнем Новгороде под именем Мовше Свердлов. Существует несколько версий имени Я.М. Свердлова при рождении: согласно одной из них его называли Ешуа-Соломон Мовшевич Свердлов, согласно другой – Янкель Мираимович Свердлов.

Отец Якова Михайловича (умер в 1921 г.) владел тремя небольшими предприятиями: гравировальной мастерской, издательством и типографией. Это был, что называется, чемодан с двойным дном – днем он тачал сапоги, а ночью, освоив нелегкий труд гравера, штамповал различные печати на документах, которыми за немалую цену снабжал и уголовников, и революционеров всех мастей. Говорят, с «ксивами», выправленными старым Мовшей, ни один из их обладателей не попался! Мать — Елизавета Соломоновна (умерла в 1900 г.).

Знатоки иудаизма говорят, что Мовша Свердлов мог освоить такое мастерство, скорее всего, работая соффером при синагоге. «Соффер» означает в иудаизме «гравер-переписчик». Как классный гравер, он выполнял в синагоге Нижнего Новгорода (действует с 1883 г.) эту роль и изготавливал персональные Свитки Торы (Сефер Торы). Это свиток, на котором записаны все еврейские законы и история праотцов иудеев, – объект высочайшего уровня святости. Обычно такие заказные свитки в честь кого-то из близких хранят в синагоге и используют для чтения Торы в молитвенных службах, в том числе поминальных. Но сеферы также делают мини-свитки с фрагментами из Торы. Истово верующие, например хасиды, вкладывают их в небольшие коробочки (тефилин, мезуз и т. п.), которые носят с собой. Для синагог это такая же статья дохода, как рукописные иконы для церкви.

Свиток Торы делают из пергамента – тонко выделанной кожи кошерного животного. Перед тем как начать переписывать Тору на пергамент, сефер должен окунуться в микву – бассейн для духовного очищения. Его работа требует исключительной внимательности, ведь даже одна неверная буква сделает весь свиток непригодным. Сефер должен быть очень образованным человеком и прекрасно разбираться в иудаизме. Таким и был Мовше Свердлов.

Его сын Янкель, однако, не получил даже среднего образования. Он окончил 4 класса (по другим источникам – 5 классов) гимназии, но был изгнан якобы за революционную агитацию и отдан отцом в обучение аптекарскому делу.

В 1901 году он вступил в РСДРП и наряду со своей профессиональной деятельностью занимался партийной агитацией в Костроме, Казани и других городах.

Молодой Свердлов

В семье Мовши Израилевича Свердлова было шестеро детей: две дочери (Софья и Сара) и четыре сына (Зиновий, Яков, Вениамин и Лев). После смерти жены (1900) Михаил Свердлов принял православие, как считают, по чисто практическим соображениям, чтобы уйти от излишне настойчивого надзора полиции и миновать те ограничения, которые накладывались на евреев вне черты оседлости. Так поступали испанские мараны (на иврите – евреи, насильственно обращенные в другую веру), подвергавшиеся преследованиям инквизиции. Мовша женился вторым браком на Марии Александровне Кормильцевой. В этом браке у них родилось ещё двое сыновей – Герман и Александр.

Многие авторы, писавшие об этом «черном семействе», удивляются, когда говорят о фактах его связей не только с видными деятелями дореволюционной России, но и с мировой закулисой, в частности с ведущими еврейскими банкирами США и Европы, с западными спецслужбами и политиками. Объясняется это, однако, просто: Свердлов-старший помогал не только с изготовлением фальшивых паспортов российским, а точнее еврейским, криминальным авторитетам. Он был незаменим в тайном экспорте награбленных ими золота и драгоценностей. Иначе откуда бы Вениамин (Беня) Свердлов взял деньги, чтобы приехать в Америку и открыть там не просто свое дело, а свой банк?! Пусть даже в качестве предбанника банка еврейского олигарха и лидера сионистско-масонского ордена Бнай Брит Якоба Шиффа. За 2 года этот никому не известный юноша, сын сефера из Нижнего Новгорода, открывает офис в центре Нью-Йорка и свой собственный банк. Этот «банчок» и стал приемным пунктом награбленных в ходе революционных «эксов» денег и «прачечной» для перевода их в Россию в уже «отмытом» виде. Сколько из них ушло революционному подполью, а сколько осело в карманах руководителей этой преступной группы, неизвестно. Но судя по тому, что через этот банк, как и через банк Якоба Шиффа, шли из России многомиллионные заказы на закупку оружия, типографского оборудования и прочие революционные нужды, немало.

В 1987 г., во время своей работы во Франции, я впервые посетил Русское кладбище в Сент-Женевьев дю Буа под Парижем. Там похоронен родной брат Я. Свердлова Зиновий Алексеевич Пешков (1884–1966). В советские времена о его существовании мало кто знал. Было две причины о нем помалкивать. Во-первых, Зиновий (до крещения – Ешуа-Соломон (Золомон) Свердлов) – родной брат одного из основателей Советского государства Якова Свердлова. Во-вторых, приемный сын «великого пролетарского писателя» Максима Горького (Алексея Пешкова). Трудно было увязать это с тем, что сей отпрыск Мовши Свердлова после эмиграции во Францию в 1914 году поступил добровольцем в Иностранный легион и вплоть до самой смерти выполнял деликатные спецзадания французского правительства и разведки (в частно-

сти, убеждал США вступить в Первую мировую войну и таки убедил, будучи в то время всего лишь капитаном). В США он был представлен Якобу Шиффу, с которым уже тогда работал брат Свердлова Венамин. Эту связь с Шиффом и американскими сионистами он поддерживал до конца своей жизни.

В биографии Зиновия немало загадок. Одна из них – это его разрыв с отцом Мовшей Свердловым вскоре после его усыновления Горьким. Само по себе это усыновление носило скорее ритуальный характер, чем православный. Горький выступил при этом и отцом-усыновителем, и его крестным отцом, что, безусловно, было святотатством, так как, согласно православию, отец и крестный не могут быть одним и тем же лицом. «Крещение» было осуществлено в 1902 году в Арзамасе священником Федором Владимирским, другом Горького и тайным революционером. Биограф Горького Плетнев писал: «Конечно, никакого “тайнства” на самом деле не было, а было лишь все это формально устроено “крамольным” попом».

Вообще, ненависть к христианству была в крови что у Горького, что у его «нареченного сына», хотя он и принял православие вслед за отцом. «Шуточные» сцены, которые разыгрывались Горьким, Зиновием Пешковым-Свердловым и другими, а затем снимались на фотопленку и были названы «Священная история в лицах», сознательно преследовали цель глумления над Спасителем и Его Пречистой Матерью. При этом масон Горький изображал иудейского первосвященника, предавшего Господа на муки и казнь, святотатец Зиновий Пешков выступал в роли лукавого раба, а любовница Горького Мария Андреева — в роли Пресвятой Богородицы.

Цель «крещения», кроме надругательства над православием, была двойной: спрятать за фамилией Пешкова свое еврейское происхождение и скрыть связи с Янкелем Свердловым, имя которого становилось все более печально известным. Власти поняли это, и в 1903 году императорским указом причту Троицкой церкви города Арзамаса было предписано вернуть Зиновию его настоящую фамилию – Свердлов. То, что и «крещение», и «усыновление» Зиновия Горьким были чистой воды фикцией, доказывает сам Горький, который писал в 1921 году Ленину: «На днях вызвал сюда из Парижа Зиновия Пешкова, так называемого приемного сына моего». Значит, и Ленин был «в курсе» тех закулисных дел, которыми занимался братец Янкеля Свердлова. Горький, впрочем, довольно скоро разругался со своим приемным сыном на всю жизнь.

Яков Свердлов, председатель ВЦИК в период 1917–1919 годов, с семьей – женой Клавдией Новгородцевой и сыном Андреем, будущим полковником МГБ СССР

Известно, что вскоре после этого Мовша Свердлов, отец Зиновия, оставшийся и после крещения убежденным талмудистом, – прекрасно знал Талмуд и Тору, которые ежедневно читал и даже любил их толковать, – проклял его еврейским ритуальным проклятием. За что, неизвестно и не будем гадать. Известно лишь, что, после того как в одном из сражений Первой мировой Зиновий потерял руку, старик Свердлов, узнав об этом, страшно разволновался и спросил: «Какую руку?» Когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку. (См. более подробно: *Новгородцева К. Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1957; Городецкий Е., Шаранов Ю. Свердлов / ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1971.*)

Зиновий Пешков-Свердлов – французский генерал...

Максим Горький (Пешков), который до конца жизни так и не разобрался в том, кто ему ближе— масоны или большевики— и какое между ними различие, принимал самое активное участие в подготовке государственного переворота, который привел к отречению Николая II от трона в пользу его брата Михаила. Зиновий Пешков тоже приложил к этому руку: как член масонского Ордена Великий Восток высоких степеней посвящения, он был посредником между масонскими кругами Франции и масонскими заговорщиками в России, которые затем вошли во Временное правительство. Неслучайно летом 1917 года капитан французской армии Зиновий Пешков был назначен представителем Франции при правительстве Александра Керенского. Керенский даже наградил его орденом св. Владимира 4-й степени. Все антимонархические операции Зиновия Пешкова с момента его прибытия в Россию контролировал и направлял Яков Шифф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.